

Коробков Ю.Д. *

К вопросу об особенностях формирования горнозаводских рабочих Урала в пореформенный период

Сложный и противоречивый характер классовобразования на горнозаводском Урале, выделения рабочих в особую социальную группу, обусловленный консервацией вплоть до 1917 г. окружной системы, создал непростую историографическую ситуацию в определении социальной природы уральских рабочих.

Вплоть до настоящего времени эта проблема остается до конца не проясненной, что во многом связано с различием в подходах к определению социально-экономической природы уральской промышленности. В зависимости от акцентирования ее капиталистической сущности или переходного характера облик уральского рабочего определяется либо как пролетарский¹, либо с теми или иными нюансами, как «полурабочий-полукрестьянин»².

Историки дореволюционной школы и часть специалистов новой формации акцентировали внимание на специфических чертах образа жизни уральских рабочих, связанных с особенностями окружной системы горнозаводской промышленности края. Их оппоненты считали уральского рабочего типичным представителем российского пролетариата, а Урал – одним из ведущих центров освободительного движения в стране, революционность которого определялась, в первую очередь, высоким уровнем сознательности и организованности его рабочего класса.

Основными аргументами представителей дореволюционной школы были такие как наличие своего хозяйства и огромная заинтересованность рабочих в решении земельного вопроса, низкий уровень технической оснащенности уральских предприятий и квалификации рабочих.

Противоположная сторона не отрицала связи уральских рабочих с землей, но считала этот фактор вторичным в совокупности компонентов, определявших облик рабочих края, а классовобразующим признаком для них являлась работа на промышленных предприятиях. Для подтверждения своей концепции они обратились к проблеме землепользования рабочих Урала, акцентировали внимание на социальной неоднородности уральских рабочих и указывали на незначительный удельный вес аграрных требований в их политических высказываниях.

Наибольшей остроты спор ураловедов по вопросу землепользования горнозаводских рабочих достиг в 50–60-е гг. XX века.

Решающим фактором, определившим особенности формирования горнозаводских рабочих края, по мнению В.В. Адамова, являлось сохранение вплоть до 1917 г. окружной системы, составлявшей ядро уральской горнозаводской промышленности. В совокупности с условиями реформы 1861 г. на уральских предприятиях, наделами и хозяйством, привязывавшими рабочих к «своим» заводам,

---

* Магнитогорский государственный университет.

она консервировала сложившиеся отношения рабочих с заводами и замедляла процесс изменения их социального состава. Все это дало ему основания определить отношения между заводами и рабочими как переходные, которые, несмотря на ускорение темпов капиталистического развития России, оставались таковыми вплоть до XX в.³ Хотя под влиянием капиталистической перестройки к концу XIX в. наблюдается также процесс распада и дифференциации социального состава рабочих⁴.

В.В. Адамов дифференцированно подходил к проблеме землепользования на горных заводах края. Он отмечал отсутствие тяги к земле у постоянных рабочих, которые отказывались от земельных наделов и требовали привычной заводской работы и одновременный рост фактического землепользования, связанный с увеличением удельного веса вспомогательных рабочих⁵. В целом, по мнению автора, и земледельческое хозяйство, и занятие кустарными промыслами служили рабочему дополнительным источником дохода и одновременно привязывали его к заводу⁶.

В.В. Адамов указывал и на такие особенности «рабочей повседневности» горнозаводского Урала, как остатки сословного строя и сословного управления, замедлявшие процесс групповой идентификации⁷, своеобразии требований сокращения рабочего дня, которое было направлено на «уравнивание всех рабочих «своего» завода в праве на равный заработок»,⁸ и повышения заработной платы, выдвигавшегося чаще всего рабочими отдельных цехов⁹, что свидетельствовало о господстве уравнивательных настроений среди горнозаводских рабочих.

На основе выделенных особенностей бытия уральских рабочих, связанных с влиянием «оригинального строя» горнозаводской промышленности, позднее В.В. Адамов приходит к выводу о сохранении у них вплоть до 1917 г. черт особого условия, а потому положение горнозаводского пролетариата Урала он сравнивает с положением сельскохозяйственных рабочих, а не промышленных рабочих центра и юга страны¹⁰.

Аргументируя свой вывод, исследователь обращает особое внимание на завершение процесса землеустройства на казенных заводах, приведшее к образованию там значительного слоя «рабочих – земельных собственников»¹¹, на остроту проблемы наделения землей рабочих частных и посессионных заводов¹², на увеличение землепользования на горнозаводском Урале вследствие значительного увеличения количества вспомогательных рабочих, функционирование которых как рабочей силы требовало наличие значительного количества земли¹³.

Точка зрения В.В. Адамова разделялась и другими историками «нового направления»¹⁴. По мнению П.В. Волобуева, уклад жизни уральских рабочих не менялся на протяжении столетий. Унаследовав связь с землей от докапиталистической эпохи, уральский рабочий сохранил ее и в последующий период¹⁵. Подтверждая эту мысль ссылкой на ленинские работы, Ф.С. Горовой полагал, что замечание В.И. Ленина о прикреплении уральских рабочих к земле указывало на общую закономерность развития рабочего класса страны. Из связи рабочих с землей он

выводил особенности не только социально-экономического положения, но и политического поведения рабочего класса, в частности, причину влияния на них соглашательских партий, а также их низкой пролетарской сознательности ¹⁶.

Идеи «шестидесятников» развивают и некоторые современные исследователи. Н.Н. Алеврас рассматривает горнозаводских рабочих как составную часть горнозаводского населения – особой сословной группы, созданной государственной властью для обслуживания уральской металлургии, социальная психология которых определялась, прежде всего, традициями крестьянской среды, влиянием ближайшего социального окружения и сословной принадлежностью, с одной стороны, и порядками горноокружной системы, с другой, и, как следствие, отличалась «патриархальностью и инертностью психологии и поведения» и в начале XX в. ¹⁷

И.В. Нарский усматривает трагизм положения рабочего класса Урала в том, что «уральский рабочий является наполовину рабочим, наполовину земледельцем, причем ни по тому, ни по другому состоянию не обеспечен средствами существования» ¹⁸. Ведущим фактором, определявшим особенности рабочих края, для него, как и для его предшественников, являлась связь с землей, которой их наделял горнозаводчик, и, как следствие этого, тесная связь с заводом ¹⁹.

Наиболее последовательным и категоричным сторонником другой точки зрения был Ф.П. Быстрых, Ведущим аргументом для него являлась специфика 10–12 часового труда горнозаводских рабочих, занятых на крупных промышленных предприятиях, что не оставляло им времени для занятия крестьянским трудом ²⁰.

Используя свою методику анализа статистического материала, Ф.П. Быстрых пришел к выводу, что лишь треть уральских рабочих занималась пашенным земледелием, что свидетельствовало о их зараженности мелкособственнической идеологией, а остальные либо вообще не имели земли, либо владели небольшим участком, который использовался под усадьбу, покос, выгон, лес и лишь на 10–15% – под пашню ²¹.

Желание приблизить уровень жизни уральских рабочих к уровню жизни рабочих других регионов страны привело уральских исследователей 60–80-х гг. к доказательству того, что ничего необычного в положении уральского пролетариата не было, и что его можно рассматривать как важнейшую составную часть российского пролетариата. Критикуя историков «нового направления», они отвергли вывод о том, что землепользование было характерно для всех или хотя бы для большинства уральских рабочих. Проблема влияния аграрной среды на рабочих вообще не поднималась. Историки доказывали, что рабочий класс региона по всем параметрам соответствовал роли гегемона в пролетарской революции и в силу своих особых, чисто пролетарских качеств сыграл видную роль в проведении Октябрьского вооруженного восстания. Наиболее емко эта концепция представлена в монографии Д.В. Гаврилова, ставшей самым крупным достижением историографии уральских рабочих в 80-е годы ²².

На основе привлечения широкого круга источников, статистических материалов автор детально характеризует производственные и материально-бытовые

аспекты положения уральских рабочих, обращая основное внимание на горнозаводскую промышленность как ведущий сектор уральской экономики и на ее рабочих. Несомненным достоинством работы является дифференцированный подход к анализу объекта исследования, выделение в нем различных категорий, сравнительный анализ его положения на общероссийском фоне, анализ его зависимости от специфики горноокружной системы. В результате исследования Д.В. Гаврилов приходит к выводу о стирании под влиянием капиталистической перестройки региональной специфики горнозаводских рабочих и превращении их в подлинных пролетариев, в один из типичных отрядов российского рабочего класса. «Горнозаводской Урал уже в конце XIX в., – утверждает автор, – был подлинно пролетарским краем»²³.

Не умаляя достоинств проведенного фундаментального исследования, отметим, что в ряде случаев в аргументации автора заметно стремление искусственно подтянуть специфический облик уральского рабочего под общероссийский пролетарский уровень. Так, утверждение исследователя о преобладании среди пришлых рабочих крестьян уральских и соседних с Уралом губерний сочетается с выводом о том, что большинство их составляли «чистые пролетарии»²⁴.

Указание автора на большой производственный стаж, наличие значительной группы потомственных рабочих²⁵ отражает, на наш взгляд, скорее региональную специфику, связанную с низкой мобильностью горнозаводских рабочих, их привязанностью к «своему» заводу, оседлым образом жизни, нежели критерии их пролетаризации.

Большое внимание Д.В. Гаврилов уделил такому критерию «языка пролетариата», как связь с землей и доказательству ее потери рабочими края к рубежу XIX–XX вв. Абсолютизируя степень капиталистической перестройки горнозаводской промышленности и «не замечая» состояния ее глубокого кризиса, он приходит к выводу об ослаблении связи рабочих с землей и заводами, росте их подвижности, разрушении патриархальных отношений²⁶. При этом не учитывается отмеченный современниками очевидный факт усиления у уральских рабочих под влиянием кризисных моментов в развитии промышленности тяги к земле, которая рассматривалась ими как страховая полис в условиях отсутствия социально-экономической стабильности.

Вызывает сомнения и вывод автора о превращении связи с землей и со «своим» заводом в оковы для рабочих, которые являлись их подлинным несчастьем²⁷. Многочисленные данные, свидетельствующие об обратном, заставляют нас усомниться в данном утверждении.

Как уже отмечалось, основным аргументом советской историографии при определении облика уральских рабочих являлось наличие или отсутствие их связи с землей, что вытекало из марксистской концепции пролетариата как наемного рабочего, полностью потерявшего с ней связь и не имеющего никакой собственности, с одной стороны, и остроты земельного вопроса для рабочих Урала, определявшейся особенностями местной горнозаводской промышленности, с другой,

Между тем проблема, на наш взгляд, требует своего анализа с других ракурсов. Дело в том, что связь с землей не должна рассматриваться в качестве единственного или, по крайней мере, определяющего классовообразующего фактора на горно-заводском Урале.

Уральский рабочий в массе своей не имел желания заниматься земледелием, от которого он полностью отвык, был уверен в обязательном предоставлении ему работы на своем заводе, снисходительно относился и к крестьянам, и к их занятиям²⁸. Его аграрные требования были связаны, во-первых, с усилением в пореформенное время нажима со стороны заводоуправлений на земельные наделы рабочих и естественным в этой ситуации стремлением рабочих сохранить их за собой по праву давности, которое в глазах рабочих полностью легитимировало их позицию и было справедливым. Во-вторых, частичное разрушение патерналистской системы отношений дореформенного времени, нарастание кризисных явлений в горнозаводской промышленности края и связанных с ними настроений неуверенности в завтрашнем дне заставляли рабочих обзаводиться страховым полисом на черный день в виде земельного надела. Как отмечал И.Х. Озеров, «у населения в последнее время под влиянием угнетенного положения на Урале сильно поднялся интерес к наделению землей». При этом степень его заинтересованности в ней зависела, прежде всего, от состояния заводских дел: «чем хуже завод работает, – продолжал Озеров, – тем более население стремится переходить на земледелие, как бы страхуя себя»²⁹. Кроме того, некоторые рабочие, «воспитанные на заводских работах и совсем не приспособленные к земледельческому труду, сдавали свою земельную собственность в аренду крестьянам за небольшую плату»³⁰.

При этом в стабильное время, в первые пореформенные годы рабочие отказывались от земли, считая, что вполне могут обеспечить себя за счет заводской работы. Как отмечал в 1866 г. пермский губернатор «заводские работы для мастерового населения составляют единственное средство к существованию»³¹. На это же указывал в феврале 1882 г. вятский губернатор, считая что, «население, привыкшее к труду фабричному, чрезвычайно неохотно обращается к труду земледельческому...»³². Об этом же в многочисленных прошениях писали и сами рабочие, для которых главным и определяющим фактором являлось то, что заводские работы для них «составляли единственное средство к существованию»³³, а «владеемая нами земля дохода... не приносит, а удовлетворяет только крайнюю домашнюю необходимость»³⁴. «Секли нас, когда учили заводскому делу, а теперь хотят от завода отрывать», – говорили безработные рабочие Боткинского завода, слыша разговоры о переводе их на земледелие³⁵.

«Существование населения находится в исключительной зависимости от действия заводов», – сообщали в докладной записке в МТиП уполномоченные от рабочих и служащих Нижне-Тагильских заводов. «Представляя в громадном большинстве случаев местное население, рабочие округа и их семьи при прекращении действия заводов будут обречены на крайне жалкое существование. Наде-

пение мастеровых земель не может обеспечить им нормального существования вследствие незначительной нормы надела, а также по климатическим и почвенным условиям края»³⁶.

Отмеченную тенденцию подтверждает и проведенный А.Б. Рабиновичем анализ 30 случаев обращения рабочих Строгановских заводов в высшие инстанции в прошениях и в ходе забастовок 1872–1881 гг.: требования повышения заработной платы выдвигались во всех случаях, наделения земель – лишь в 2³⁷.

Помимо этого, земля для рабочего была своеобразным способом сохранения собственного достоинства, независимости от завода, дабы позволяла «никому не кланяться».

В структуре земельных наделов преобладали покосы, пашни было совсем мало, тем более, что природно-климатические условия самой промышленности Пермской губернии не позволяли заниматься земледелием. Как отмечали современники, земледелие на Урале «во многих местностях никоим образом не может быть источником жизни и является оно как дилетантство, и, пожалуй, еще может быть слабым подспорьем к определенному делу, да существенным рычагом к отвлечению местного населения от пьянства...» и к смягчению нравов «бесшабашной мастеровщины»³⁸.

Для вспомогательных рабочих, занятых на перевозке сырья и топлива, покосы были производственной необходимостью, т.к. без них невозможно было содержать гужевой транспорт, для основных – отчасти, бытовой надобностью, отчасти стали составной частью традиционного быта, привычкой, одним из элементов их психологической разгрузки и выживания в целом. Как отмечал в октябре 1903 г. управляющий Нижне-Тагильскими заводами, «... мастеровые преимущественно домогались сенокосных угодий, как необходимых для поддержания конной силы, столь важной в деле заводских работ», а сами нижнетагильские рабочие писали о своем убеждении «что их судьба обеспечена той работой, которой занимались уже их деды»³⁹. На это же указывали и эксперты по земельному вопросу на Урале.⁴⁰ В частности, Мамонтов пришел к выводу о преобладании в земледельческом хозяйстве покосов и необходимости их сохранения для заводской деятельности⁴¹.

Формирование промышленных рабочих затрудняло их «растворение» в составе горнозаводского населения, искусственно созданного сословия для обслуживания нужд горнозаводской промышленности⁴².

Оно включало в себя, наряду с рабочими, некоторую часть крестьян, мелких ремесленников, кустарей, торговцев. Официальные круги применительно к нему оперировали такими терминами, как «горнозаводские крестьяне», «мастеровые», «сельские работники» и т.д. Чаще всего эти определения имели формально-юридическую основу и не всегда раскрывали реальное социальное содержание данных групп населения.

Все это пестрое по своему социальному составу население, проживавшее совместно в селениях-заводах и объединявшееся сословными сельскими и воло-

ственными органами самоуправления выступало, с одной стороны, как единая сословная категория, и вместе с тем, разнообразие социального состава неизбежно порождало сложное переплетение разнородных требований и форм протеста, определявшихся особенностями их социально-экономического положения. В целом, как отмечает Н.Н. Алеврас, в социальной структуре горнозаводского Урала в начале XX в. переплетались процессы не завершенного сословного синтеза горнозаводского сословия и его начавшегося разложения⁴³, формируя своеобразную ситуацию единства бытовой повседневности и разнообразия мотивации и средств борьбы за выживание на индивидуальном и групповом уровнях.

Наряду с различными слоями горнозаводского населения одной из наиболее «влиятельной» на психологию, особенности социальной рефлексии уральских рабочих группой являлось крестьянство, с которым они постоянно пересекались на самых различных орбитах своего жизненного пространства. В рамках окружной системы до 80%, т.е. подавляющее большинство крестьянских хозяйств значительной части уездов Пермской губернии были потенциальными поставщиками рабочей силы для горных заводов⁴⁴.

По данным земской статистики, по Кунгурскому уезду 73% крестьянских хозяйств, а в северо-восточной части, непосредственно примыкающей к горнозаводской полосе, до 85% имели внеземледельческие заработки. А в таких уездах и районах горнозаводской полосы, как Верхне-Камский, Тагильский, Екатеринбургский, Златоустовский, процент занятости крестьян на промыслах достигал 85–90%⁴⁵.

Состав вспомогательных рабочих, во многом формировался за счет крестьян, которые, постоянно вращаясь в заводской среде, были непосредственным резервом и каналом для пополнения постоянного состава уральского рабочего класса⁴⁶. В уездах горнозаводской полосы Урала (Верхотурский, Екатеринбургский, Златоустовский и часть волостей других уездов), особенно в волостях, где располагались заводы, сельское население и рабочие жили совместно в одних селениях, в общих административно-волостных единицах, все вопросы повседневной жизни решались их жителями на сельских и волостных сходах, которые обсуждали «сплошь и рядом заводские дела»⁴⁷.

Горнозаводские рабочие имели с ними самые непосредственные и разнообразные непрофессиональные контакты, как, впрочем, и со всем горнозаводским населением. Их объединяли не только закрепленные в «уставных грамотах» связи и отношения, общие интересы в борьбе со «своими» заводчиками, но и общее происхождение, традиции и обычаи, в значительной мере определявшие психический склад личности бывших «горнозаводских крестьян».

Вместе с тем, многочисленные и разнопорядковые источники свидетельствуют о том, что уральские рабочие пореформенного периода четко осознавали себя особой социальной группой, самоидентифицировались от ближайшего социального окружения (крестьянство, заводская администрация), считали заводскую работу своим главным предназначением, гордились своей профессиональной

принадлежностью и не желали ее менять. В документах, вышедших из рабочей среды, постоянно указывается на «кровное родство» рабочих с «огневой» работой, несмотря на ее очевидную тяжесть. В прошении рабочих Ижевского завода 11 апреля 1885 г. подчеркивалось, что их поколение «так и останется фабричными» и главное для них – работа на фабрике⁴⁸. В прошении рабочих литейного цеха Каменского завода 29 ноября 1888 г. говорилось о «насушной потребности» работать на заводе⁴⁹. Рабочие мартеновского цеха Нижнетагильского завода в августе 1891 г. говорили, что их профессия помимо овладения технической стороной дела требует сноровки, выдержки, осмысленного отношения к процессу производства. И вообще, резюмировали они, «не каждый, кто обладает физической силой и умением трудиться, способен успешно выполнять нашу огневую работу»⁵⁰. В целом, как отмечал председатель правления товарищества Сергинско-Уфалейских заводов Винберг, быт рабочих «зависит исключительно от производительности заводов, а не от количества земли, в их владении находящейся»⁵¹.

В обследовании, проведенном редакцией «Торгово-промышленной газеты» в 1904 г., отмечалось, что «уральский рабочий представляет собой тип настоящего коренного заводского рабочего... начинает работать в заводе с 15–16 лет, и притом всегда в том цехе, где работает отец или брат, и поэтому есть целые семьи пудлинговых рабочих, сварщиков, кузнецов, слесарей и других...»⁵².

Крестьянский труд отвыкающим от него профессиональным рабочим казался менее важным, более легким. «Ловко крестьянину-ту и богатеть-ту: посеет мешок (зерна), а намолотит два», рассуждали, например, горнозаводские жители Красноуфимского уезда Пермской губернии. В преданиях уральских рабочих о Петре I рассказывалось, в частности, как он пробовал плести лапти. «Ну, лапти это уже последнее дело...»⁵³, – в словах рассказчика заметно явное презрение к этому никчемному крестьянскому занятию.

В 60–70 гг., по свидетельствам очевидцев, факты пренебрежительного отношения рабочих «ко всякой деревенщине», к «крестьянчикам» становится массовым явлением, хотя взгляд на их труд и быт свысока нередко уживался с завистью, поскольку, по мнению рабочих, работа на земле позволяла «никому не кланяться»⁵⁴. В.И. Немирович-Данченко утверждал, что семьи квалифицированных рабочих Нижнего Тагила в 70-е годы XIX в. уже не знали такой формы проведения досуга, как хороводы. «Помилуйте, мужицкое дело», – восклицали они⁵⁵. Характеризуя кизеловских рабочих, он отмечал, что они утратили тип крестьян и более напоминают развитых и предприимчивых городских мещан, не только элементарно грамотных, но и регулярно читающих книги»⁵⁶.

Свидетельством отхода рабочих от крестьянских образцов является начинающаяся в 1870-х годах перестройка их потребительских идеалов, в которой образцом для подражания становятся особенности быта и образа жизни заводских служащих и горожан. Эта тенденция проявилась, прежде всего, в одежде и домашней обстановке. Уже в 1870 году З.С. Говорливый отмечал, что «жены и дочери мастеровых наряжаются подобно городским мещанкам. Мужчины надевают по

праздникам сюртуки и кафтаны из тонкого сукна..., носят галстуки, жилеты и брюки...»⁵⁷. А. Романов указывал в 1876 г., что заводской рабочий стал «гораздо требовательнее там, где дело касается одежды, особенно праздничной. Он и жена его одеты не по-крестьянски...»⁵⁸. Характеризуя быт Ижевского завода, П.И. Андреевский отмечал, что на его улицах «вместо прежнего зипуна или азяма из самодельного сукна... теперь решительно преобладает платье немецкого покроя из лавочных... материалов (драп, сукно)»⁵⁹. Оценивая домашний интерьер нижнетагильских рабочих на рубеже XIX – XX вв., В.Ю. Крупянская и П.С. Полищук отмечают распространение таких атрибутов мещанского быта, как мягкая мебель, этажерки, стулья⁶⁰, свидетельствующие о приближении их бытовых стандартов к городским.

В начале XX в. «отделение» рабочих от крестьян «материализуется» на этнокультурном уровне, выражаясь в различиях в языке, обрядах, обычаях, в значительном сокращении смешанных браков, «приближении» семьи горнозаводского рабочего к типу городской семьи⁶¹.

Возможно прав был в этой связи прав Ж.П. Сартр, утверждая, что классовое самосознание начинается с осознания человеком своей невозможности перейти в другой социальный статус⁶².

Говоря о низкой мобильности уральских рабочих, их привязанности к своему заводу, к огромной зависимости от него, необходимо учитывать как особенности функционирования горнозаводской промышленности, так и специфику формирования её кадров. Серьёзную роль играл фактор размещения производств, находящихся в собственности одного владельца на больших расстояниях друг от друга, что практически снимало проблему конкуренции между рабочими разных хозяйств. В случае конфликта с заводоуправлением рабочий должен был искать работу на предприятии другого владельца, находящемся за сотни вёрст от родного места. При этом размер заработной платы на новом месте не покрывал издержек рабочего, связанных с его переездом. Все это, в совокупности с наличием своего хозяйства, резко ограничивало «миграционный потенциал» уральских рабочих. Как отмечалось в прошении рабочих Молебского завода 8 марта 1892 г. «уйти для них в поисках работы на дальнее расстояние и оставить свои семьи без куска хлеба нет никакой возможности, чтобы не разорить последнее вконец свое хозяйство»⁶³.

Уволиться с завода и заняться другой работой в своем селении также было крайне затруднительно. Необеспеченность землей и неблагоприятные природно-климатические условия сводили к минимуму возможность прокормиться за счет земледельческого труда, занятия торговлей, ремеслом, кустарной промышленностью были рациональны только в тех немногочисленных поселках, которые располагались либо вблизи городов, либо на больших трактовых дорогах.

К тому же, в целях обеспечения себя бесконкурентной средой заводладельцы запрещали местному населению заниматься кустарными промыслами и заводить свое дело.

Именно эта жесткая зависимость работающего населения от владельца

объясняет тот факт, что рабочие в пореформенный период, за редким исключением, не решались открыто проявлять свое недовольство и терпеливо ждали выплаты зарплаты или предоставления работы, ибо в противном случае им грозила опасность ее потери. Как отмечалось в прошении рабочих Ижевского завода 11 апреля 1885 г., вплоть до 1867 г «всякие заботы о существовании их всецело лежали на правительстве, которое в лице заводской администрации давало им работу, кормило, учило, лечило их, словом со дня рождения каждого рабочего до могилы думало и заботилось об его физическом и духовном существовании. В такой обстановке родилось и прожило несколько поколений»⁶⁴, что формировало у рабочих социальное иждивенчество, пассивность, потребительство, привычку к подобному образу жизни, уверенность в обеспеченности работой и, следовательно, о завтрашнем дне, и, в конечном счете, прикрепляло их к заводу. Форму открытого протеста недовольство рабочих принимало в крайних случаях, когда продолжительный хозяйский произвол притуплял страх рабочих остаться без средств к существованию и переводил глухой ропот в открытое возмущение.

Поэтому низкую мобильность рабочих Урала, наряду с наличием своего подворья следует отнести к их региональным особенностям. По крайней мере, стремление многих «пришлых» рабочих, которых традиционно считают «настоящими» пролетариями, к обзаведению домом и хозяйством⁶⁵ и, следовательно, к переходу к «оседлому» образу жизни, подтверждает это предположение.

Об этом же пишет и Ю.П. Мадор, утверждая, что тяга к собственности как естественное стремление обывателя всегда была присуща рабочим⁶⁶ и являлась их имманентным качеством.

Да и сам исходный тезис о низкой мобильности, «неподвижности» уральских рабочих нуждается в определённой корректировке. Уже спустя некоторое время после отмены крепостного права, под влиянием новых социально-экономических реалий, сокращения объема заводских работ и занятости в условиях роста населения, жизнь заставляет рабочих отказываться от прежних представлений. Пытаясь выжить в новых условиях, они стремились найти себе «место под солнцем» а других местах.

В донесении пристава Красноуфимского уезда Пермской губернии в декабре 1892 г. сообщалось, что вследствие снижения заработной платы рабочие Михайловского завода, «лишаясь возможности добывать необходимое содержание для себя и своих семейств, вынуждены были прекратить работы и искать таковую в других местах». Об этом же свидетельствовал директор Горного Департамента по Верхне-Сергинскому заводу в феврале 1900 г.⁶⁷: «между рабочими постоянно поддерживается ропот и недовольство и лишь привязанность к родному месту и крайняя нужда удерживают их здесь на работе»⁶⁸. Многие рабочие Боткинского завода, как следует из отношения вятского губернатора, «оставляли завод ввиду более выгодных заработков на стороне» и в этих целях даже «не желали заключать письменных условий, предпочитая оставаться свободными от каких-либо обязательств к заводу»⁶⁹. Рабочие Саткинского завода в 1891 г. готовы были идти

на перевозку чугуна и куренные работы, но в силу отказа управляющего стали уходить на заработки за 100–200 верст⁷⁰.

Для отдельных заводов была характерна внутризаводская мобильность, как было, например, в условиях падения уровня жизни в 1883 г. на Добрянском заводе. Его рабочие, как отмечалось в их прошении, «желая получить большую поденную плату... почти все весной уходят в другие цеха, а в кузнечном, слесарном и токарном остаются те рабочие, которые не приняты в другие цеха по распоряжению заводского начальства»⁷¹.

Эти попытки нередко заканчивались неудачно, что привело к консервации низкой мобильности, но уже на других психологических основаниях. Теперь оседлость рабочих определял страх потерять свое насиженное гнездышко, работу, средства к существованию, оказаться в категории «изгоев-пришлых», и они, как в случае с рабочими Боткинского завода в 1881 г., «питали надежду рано или поздно быть на заводской работе»⁷², годами перебиваясь случайными заработками.

Проявления мобильности уральских рабочих не означали, однако, отход от привычного, «оседлого» образа жизни. Уровень ее не следует преувеличивать, поскольку, как правило, она носила вынужденный характер из-за резкого снижения качества жизни и минимизировалась в условиях мало-мальски сносного уровня потребления.

В целом, отмечая усиление миграционных потоков уральских рабочих в кризисные годы, свидетельством чего являлись опустевшие улицы и заколоченные дома в заводских поселках, современники указывали на их анклавный, точечный характер, поскольку условия труда на новом месте не отличались от прежних, а условия быта значительно ухудшались из-за отсутствия своего дома и хозяйства и попадания рабочих в категорию «пришлых»⁷³.

Консервации сложившихся отношений способствовала и узкая специализация уральского рабочего, который, как писали в своем прошении 8 мая 1905 г. рабочие Нижне-Тагильского завода, «кроме этого ремесла способен только копать землю»⁷⁴. Отмечая эту особенность, современники говорили о трудностях производственной адаптации. «Если, допустим, на заводе нет обычной работы, – писал А.Н. Митинский, – он неохотно идет на другую, он не привык к ней, он неэластичен – ему трудно приспособиться к новым приемам работы»⁷⁵.

Формированию этих черт помимо крепостнических и обязательственных отношений способствовала и экономическая политика горного ведомства, направленная к сохранению монополизма заводчиков путем запрета на развитие мелкой и кустарной промышленности, частных промыслов, бьющего по инициативе рабочих и еще сильнее привязывающего их к заводам.

С учетом вышесказанных замечаний, социальный облик уральского рабочего может быть адекватно определен как рабочий-домохозяин, на что, кстати говоря, указывали и авторы начала XX века. При этом в рамках сравнительно-исторического подхода (с учётом местных отличий) уральского рабочего следует

считать рабочим переходного периода и рассматривать специфику его социальной рефлексии именно под этим углом зрения.

В справедливости данного утверждения убеждает сравнение социальной психологии и социального поведения уральских рабочих с крестьянством и с «братьями по оружию» из других российских регионов и Западной Европы.

Ряд исследователей указывает на наличие в психологии и поведении рабочих мощного пласта крестьянской ментальности, проявлявшегося, прежде всего, в сходных моделях поведения, политических представлениях и психологии выживания. Менталитет большинства рабочих, по мнению Б.Н. Миронова, «оставался в целом в рамках традиционных крестьянских представлений»⁷⁶, которые транслировались в городской среде.

Другие исследователи⁷⁷ указывают на общность ментальных характеристик, присущих всем рабочим вне зависимости от региональной и профессиональной специфики и дифференцировавших их от других социальных групп. Ю.И. Кирьянов в частности, выделял такие общие черты рабочих России, как стремление к материальному достатку, к обустроенной, «человеческой» жизни, к защите своего достоинства, прав человека и рабочего, к объединению⁷⁸.

В выделенных Г. Ле Бомом особенностях социальной психологии парижского пролетариата можно найти немало общих черт с уральскими рабочими. Г. Ле Бон отмечал, что парижский рабочий постоянно недоволен своим положением, насмешлив, общителен, консервативен, неспособен к фанатичному следованию какой-либо идее, питает неприязнь к буржуа, и в то же время имеет буржуазный идеал в виде домика в деревне; доверчив и великодушен, способен к жертвенности, бессознательно почтителен к религии, но охотно смеется над духовенством {которое считает как бы частью правительства}; в спорах (неизменно сводящихся к перебранкам и потасовкам) его убеждают не аргументы, а личный престиж оратора; имеет крайне наивные политические представления, считая правительство таинственной неограниченной властью, враждебной рабочим и благосклонной к хозяевам, все свои невзгоды связывает с ошибками правительства; хорошим правительством для него является то, которое покровительствует рабочим, способствует повышению заработной платы и притесняет хозяев⁷⁹.

В целом, несмотря на различия в аргументации, наше предположение коррелируется с выводом В.П. Булдакова о том, что «в широком смысле российские рабочие являлись переходным классом, связанным своим происхождением с полукрепостническим государственным индустриализмом и полукупеческим предпринимательством...»⁸⁰ и позволяет рассматривать особенности социальной психологии и социального поведения горнозаводских рабочих Урала именно с этих позиций.

Заслуживают, на наш взгляд, внимания и дальнейшей разработки при анализе специфики горнозаводских рабочих Урала и наблюдения современного крестьяноведения о существовании и взаимодействии «параллельных реальностей – тех эксплоярных общественно-экономических форм, которые не являются ни ры-

ночно-капиталистическими, ни государственно-плановыми, ни простой комбинацией тех и других и которые пренебрежительно рассматривались в рамках доминировавших теоретических стереотипов как маргинальные или уходящие»⁸¹, но не смотря на логическую противоречивость не только реально функционирующих, но и параллельно эволюционирующих. По крайней мере, сохранение на современном горнозаводском Урале многих производственных и бытовых особенностей начала XX века наводит на подобные размышления.

---

¹ Быстрых Ф.П. Формирование промышленного пролетариата на Урале // Материалы научной сессии вузов Уральского экономического района. Свердловск, 1963; Буранов Ю.А. Акционирование промышленности на Урале. М., 1982; Гаврилов Д.В. Об особенностях формирования пролетариата Урала в период домонополистического капитализма. 1861–1900 // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. Свердловск, 1982.

² Озеров И.Х. Горные заводы Урала. М., 1910; Белов В.Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896; Балабанов М.С. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. 2-3. М., 1924–1926; Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Т. 3. Л., 1924; Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 227–246; Алеврас Н.Н. «Уральский кризис» в начале XX века: специфика промышленной субкультуры // Урал в 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 165–174 и др.

³ Адамов В.В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. М., 1966. С. 170–171.

⁴ Там же. С. 172.

⁵ Там же. С. 173–174.

⁶ Там же. С. 175.

⁷ Там же. С. 179.

⁸ Там же. С. 181.

⁹ Там же. С. 182.

¹⁰ Адамов В.В. Рабочие Урала накануне Октябрьской революции // Пролетариат России на путях к Октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония). Одесса, 1967. Ч. 2. С. 162.

¹¹ Там же. С. 163.

¹² Там же.

¹³ Там же, С. 165–166.

¹⁴ См.: Адамов В.В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала. С. 182

¹⁵ См.: Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. С. 26.

¹⁶ См.: Горовой Ф.С. Влияние реформы 1861 г. на формирование рабочего класса Урала // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. С. 160.

¹⁷ Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале. Челябинск, 1996. С. 6–7.

¹⁸ Нарский И.В. Русская провинциальная партийность. Челябинск, 1995. Ч. 1. С. 33.

¹⁹ Там же. С. 34.

²⁰ См.: Вопросы истории. 1947. № 7. С. 122.

²¹ См.: Быстрых Ф.П. Формирование промышленного пролетариата на Урале // Материалы научной сессии Урал. экон. р-на. Свердловск, 1963. Вып. 1. С. 9.

²² См.: Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Тертышный А.Т. Урал накануне великих потрясений (исторический очерк). Тюмень, 1997. С. 147.

²³ Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861–1900, М., 1985. С. 139.

²⁴ Там же. С. 76, 138.

²⁵ Там же. С. 72–73; 124–125.

²⁶ Там же. С. 137.

²⁷ Там же. С. 144–145.

²⁸ Митинский А.Н. Горнозаводской Урал. СПб., 1909. С. 36.

²⁹ Озеров И.Х. Указ. соч. С. 204.

³⁰ Милоков А. Несколько слов о Боткинском заводе. Сарапул, 1911. С. 13–14.

³¹ Положение рабочих Урала во второй половине XIX – начале XX в. 1861–1904. М. 1960. С. 398.

- ³² Там же. С. 70.
- ³³ ГАСО Ф. 24. Оп. 17. Д. 1080. Л. 100.
- ³⁴ Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII – XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 112.
- ³⁵ Озеров И.Х. Указ. соч. С. 116.
- ³⁶ Там же. С. 82.
- ³⁷ Рабинович Я.Б. Об аграрных требованиях рабочих Урала в 70-80-х годах XIX века // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. С. 202.
- ³⁸ Миненко Н.А. Традиционная русская культура в условиях горнозаводского Урала в XVIII – XIX вв. // Уральский исторический вестник. 1995. №2. С. 32.
- ³⁹ Бажов П.П. Уральские были. Соч.: в 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 32.
- ⁴⁰ См.: Алеврас Н.Н. Аграрная политика... С. 29.
- ⁴¹ Озеров И.Х. Указ. соч. С. 184.
- ⁴² Алеврас Н.Н. Аграрная политика... С. 8.
- ⁴³ Подробнее о взаимоотношениях различных групп горнозаводского населения см.: Алеврас Н.Н. Пермские губернские ведомости о положении уральских рабочих (1861–1881) // Положение и борьба трудящихся Урала. XVIII – начало XX в. Свердловск, 1987. С. 35
- ⁴⁴ Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале. 1917–1919. М., 1925. С. 71.
- ⁴⁵ Там же. С. 84.
- ⁴⁶ Адамов В.В. Рабочие Урала накануне Октябрьской революции... С. 161.
- ⁴⁷ Гуськова Г.К. Облик рабочих Урала // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 295.
- ⁴⁸ Положение рабочих Урала. С. 430.
- ⁴⁹ Немирович-Данченко В.И. От Камы до Урала. СПб., 1904.
- ⁵⁰ Положение рабочих Урала. С. 435.
- ⁵¹ Там же. С. 159.
- ⁵² «Торгово-промышленная газета». 1904. 17 нояб.
- ⁵³ Рычкова Г.Л. Лысьва. Пермь, 1963. С. 64.
- ⁵⁴ Мадор Ю.П. Немецкий рабочий: образ мира и общества // Одиссей. Человек в истории. М., 1999. С. 186.
- ⁵⁵ Положение рабочих Урала. С. 430.
- ⁵⁶ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 280.
- ⁵⁷ Гаврилов Д.В. Рабочий класс Урала... С. 221.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Крупянская В.Ю., Полищук Н.С.. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.).
- ⁶¹ Там же. С. 48, 89, 170.
- ⁶² Мадор Ю.П. Указ. соч. С. 184.
- ⁶³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 70. Д. 86. Л. 16.
- ⁶⁴ РГИА Ф. 1291. Оп. 66. Д. 82. Л. 187.
- ⁶⁵ Рычкова Г.П. Указ. соч. С. 64.
- ⁶⁶ Мадор Ю.П. Указ. соч. С. 186.
- ⁶⁷ Положение рабочих Урала. С. 440.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ РГИА Ф. 37. Оп. 64. Д. 10990. Л. 5.
- ⁷⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 70. Д. 78. Л. 1.
- ⁷¹ Положение рабочих Урала... С. 430.
- ⁷² РГИА Ф. 1291. Оп. 66. Д. 13. Л. 17.
- ⁷³ Алеврас Н.Н. Уральский кризис в начале XX в... С. 170.
- ⁷⁴ РГИА, Ф. 74, Оп. 1. Д. 316, Л. 76.
- ⁷⁵ Митинский А.Н. Указ. соч. С. 85.
- ⁷⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999. Т. I.
- ⁷⁷ Полищук Н.С. Обычай и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. СПб., 1997.

---

⁷⁸ Кирьянов Ю.И. Рабочие России на рубеже XIX – XX веков // Отечественная история, 1997. №4. С. 44.

⁷⁹ Ле Бон Г. Психология социализма, 2-е изд. СПб., 1908. С. 52-56.

⁸⁰ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 81-102.

⁸¹ Большакова О.В. Новые концепции изучения и новые горизонты истории российского крестьянства // Культура и общество в средние века – раннее новое время. Методология и методики современных зарубежных и отечественных исследований. М., 1998. С. 213.